

Администрация Липецкой области
Департамент образования и науки
Институт развития образования

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

*(конкурс исследовательских работ
и творческих проектов учителей,
студентов и учащихся)*

„Дом Плеханова“

№31 (цэр)

Липецк 2006

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

И.В. Бондарева,
учитель МОУ СОШ № 29 г. Липецка

Георгий Валентинович Плеханов принадлежит к числу замечательных деятелей русской истории. Его фигура замыкает собой ряд выдающихся демократических борцов девятнадцатого столетия. Он непосредственный продолжатель традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, их прямой наследник не только в теоретической области, но, прежде всего, в деле практической борьбы за народные интересы. Это само по себе - заслуга немалая. Однако значение Плеханова для истории русской культуры не ограничивается сохранением наследства демократической публицистики и общественного движения прошлого века. Старые русские демократы были народными трибунами в широком смысле этого слова. Они ещё не могли вполне оценить значение важной исторической грани между борьбой за свободу от деспотизма чиновников, дворян и царей во имя демократии и защитой интересов трудящихся от угнетения со стороны богатых собственников, то есть борьбой против власти капитала. Для такого различия не было достаточного основания в самой русской жизни, пока развитие капитализма не выдвинуло на первый план противоречие интересов предпринимателей и рабочих. Это противоречие по-новому осветило и ранее известные факты имущественного расслоения среди крестьян - самого большого класса старой России - в рамках всё ещё сохранившейся помещичьей общины.

Среди огромной массы бесправного «серого народа» он сумел разглядеть тот общественный слой, в котором таилось будущее России. Ещё будучи народником, Плеханов начал активную деятельность среди петербургских рабочих, и на него произвела громадное впечатление стихийная тяга передовых пролетариев к знанию, теории, вопреки взгляду народников-бунтарей, считавших, что «пропаганда» не имеет большого значения для революционного подъёма масс, по сравнению с «агитацией». Плеханов рассказывает в своих воспоминаниях, что он был принят в кружок бунтарей как человек глубоко заинтересованный в «рабочем деле», и с тех пор занятия с рабочими стали его «революционной обязанностью» [1]. Он сам относит себя к поколению, разбуженному «шумом уже значительно окрепшего движения пролетариата» [2]. В мрачные годы монархии Александра III, когда всякая свободная мысль казалась подавленной, он указал ей новый и плодотворный путь.

Плеханов стал пророком русского рабочего класса. Он перенёс в свою родную страну идеи Маркса и Энгельса, освободив русский социализм от утопических иллюзий.

Глубокие социальные преобразования, совершившиеся в России двадцатого века в результате трёх революций, были бы невозможны без предварительного развития общественной науки. На русской почве все коренные вопросы этой науки ставились наиболее остро, последовательно и принципиально. Одним из таких имён является имя Г.В. Плеханова. Без всякого преувеличения можно сказать, что его многообразная деятельность сыграла большую роль в процессе идейной подготовки Октябрьской эпохи.

Г.В. Плеханов родился 11 декабря (29 ноября по старому стилю) 1856 года в деревне Гудаловка Липецкого уезда Тамбовской губернии, имени его родителей. Он происходил из дворянской семьи, небогатой, но сохранившей фамильные традиции, несмотря на реальные признаки «оскудения». Отец и старшие братья были офицерами. Сам Георгий Валентинович в юности не представлял себе другого жизненного пути, кроме военной службы. По собственному его настойчивому желанию родители поместили сына в кадетский корпус - Воронежскую военную гимназию.

Однако в учебном заведении личные интересы Плеханова получили совершенно иное развитие. Знакомство с передовой русской литературой, влияние учителей, среди которых были люди прогрессивного направления, как Н.Ф. Бунаков, внушили юноше идею служения родине в более широком смысле. Сам Плеханов пишет о пережитом в юности могучем влиянии Некрасова - поэта гражданской скорби, гнева и мести народной. «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая к руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружьё и пошёл бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесённые украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу» [3].

В прежние времена такие настроения приводили к возникновению тайных военных обществ, в которых зарождались заговоры против самодержавия. Но к началу семидесятых годов, когда Плеханов учился в старших классах военной гимназии, время дворянского освободительного движения было уже позади. На арену борьбы вышли другие поко-

ления, явились другие общественные силы, и сами идеи освободительного движения приняли новый характер. Молодость Плеханова прошла в эпоху подъёма, связанного с идеями революционной демократии, идеями «Современника». Не Лувель, Занд и Риго владели теперь умами революционно настроенной молодёжи, а герои романа «Что делать?», написанного Чернышевским в Петропавловской крепости - месте заключения «государственных преступников».

Очень может быть, что такие черты, роднящие его с поколением дворян-революционеров первой половины прошлого века, сыграли известную роль и в недостатках политической деятельности Плеханова. Защитник «воинствующего материализма», *materialismus militans*, непримиримый борец против идейных колебаний социалистов, он часто оставался рыцарем-одиночкой. Рано сложилось у него предубеждение против всякой тесной организации и роковое желание держаться «над схваткой» по отношению к организационной борьбе, что, разумеется, практически невозможно и ведёт обычно к худшей односторонности.

Окончив с отличием курс военной гимназии [5], Плеханов поступил в Константиновское юнкерское училище. Год спустя мечты о военной карьере остались уже позади, и он с немалым трудом освободился от перспективы служить царю в качестве офицера. Ему удалось перейти в Горный институт, выдержав конкурсный экзамен по математике и физике. Но учёная карьера (в Горном институте Плеханову была назначена «екатерининская стипендия») не могла удовлетворить эту энергичную натуру. Студенческие годы стали для него первой революционной школой. То было время подпольных кружков и сходок. Плеханов быстро обратил на себя внимание самых решительных деятелей семидесятых годов.

6 октября 1876 года произошло знаменательное событие. В столице суровой полицейской империи, на площади Казанского собора в Петербурге, состоялась первая открытая политическая демонстрация рабочих и студентов. Из толпы собравшихся вышел молодой человек, высокий блондин, снял шапку и начал горячо обличать преступления самодержавного правительства. Он говорил о бедственном положении народа, о полицейском терроре, о ссылах лучших людей - Чернышевского, Долгушина... Его пламенная речь была встречена аплодисментами. В то же мгновение над толпой взвился красный флаг с надписью «Земля и воля». Полиция бросилась на демонстрантов, но рабочие плотным кольцом окружили оратора и помогли ему скрыться. Таинственный блондин, оратор Казанской демонстрации был Г.В. Плеханов. Ему угрожала каторга. Полиции не удалось установить личность оратора, однако, спасаясь от полицейских капканов, Плеханов должен был покинуть Петербург, а затем и пределы России. Через несколько меся-

цев, когда внимание правительства к делу Казанской демонстрации ослабело, он снова вернулся на родину, чтобы целиком отдаться революционной борьбе.

В конце семидесятых годов мы видим его в гуще народных волнений этого богатого событиями времени. Студенческий протест, забастовка на табачной фабрике, демонстрация рабочих патронного завода, похороны Н.А. Некрасова - вес происходит при его непосредственном участии. Он составляет адрес министру юстиции, отбивает у полиции арестованных демонстрантов и, прежде всего, ведёт пропаганду среди рабочих питерских заводов, стремясь придать революционную направленность их стихийному брожению. «Этого мерзавца нужно поймать», - сказал петербургский градоначальник Зуров. Но, несмотря на усердную слежку жандармских ищек, Плеханову удалось благополучно пройти через все опасные эпизоды подпольного существования, продолжая свою кипучую деятельность.

В сущности, значение работы среди петербургских пролетариев не было понято ещё им самим. Он мечтал об агитации в массах крестьянства: ведь именно связь городских рабочих с деревней больше всего привлекала внимание революционеров-народников. Перед ними витали образы великих бунтарей русской истории - Пугачёва и Разина. В том же духе Плеханов ведёт свои беседы с рабочими весной 1878 года. Первые сведения о брожении среди казачества на Дону заставляют его броситься в эту старинную область бунтарской вольности. В статьях 1878-1880 годов, написанных для нелегальной печати, Плеханов ещё целиком народник, то есть энтузиаст поземельной общины, верящий в первобытные социалистические инстинкты русского мужика. Под влиянием Бакунина, чья энергичная анархистская проповедь подчинила себе умы революционной молодёжи семидесятых годов, он не признаёт политической борьбы, считая буржуазные свободы великим обманом, отвлекающим внимание народа от коренных социальных вопросов. Впрочем, такая статья Плеханова, как «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879), обнаруживает уже некоторое знакомство с идеями марксизма, более основательное, чем у большинства народников семидесятых годов.

В эту сторону толкало его начавшееся разложение народничества. Прежняя вера в социалистические инстинкты крестьянства поколебалась. Мужик плохо понимал бунтаря-интеллигента. Вместо того, чтобы вспомнить заветы Разина и Пугачёва, он скручивал городскому агитатору руки за спину, представляя его «по начальству», а в тех случаях, когда крестьянин оказывался более доступен агитации против царских чиновников и кулаков, ему все же были чужды социалистические планы бунтарей [6]. Сельский мир явно разлагался под энергичным натиском

частных интересов, и капитал в образе Тит Титыча прокладывал себе путь в деревню. Всё это означало конец целой полосы русского освободительного движения.

Народничество было громадным явлением в жизни старой России, возникшим ещё до крестьянской реформы 1861 года. Оно глубоко задело несколько революционных поколений, самоотверженных, прошедших через грозные испытания и совершивших героические дела, достойные не вялого пара беллетриста, а песни Гомера. Плеханов сам участвовал в этих делах - он был одним из основателей партии «Земля и воля», играл заметную роль в подготовке её программы, входил в её небольшой центральный кружок законспирированных подпольщиков «троглодитов».

Так далеко Плеханов не шёл. Правда, он уже начал сомневаться в бакунинской анархии; кризис народничества ставил вопрос о необходимости политической борьбы против самодержавия как главного препятствия, мешавшего агитации социальной. Но он по-прежнему верил в самодеятельность народных масс, боясь возникновения партии, желающей делать революцию за народ, рассматривать его как объект своих экспериментов. Задачи «дезорганизации» противника входили уже в программу «Земли и воли», однако Плеханов не одобрял такие, например, приёмы, как возбуждение народа подложными манифестами царя, хотя другие землевольцы не видели в этом ничего достойного осуждения.

Впоследствии Плеханов писал, что оправдание политической борьбы сторонниками Желябова и Тихомирова было шагом вперёд. Но в переносе очага революционного движения снизу вверх он видел дальнейшее углубление старого зла, то есть громадной пропасти между народом и демократической интеллигенцией, общественным бытием и революционным сознанием. Нужно понять психологию Плеханова-революционера, вышедшего из дворян и не желавшего отказаться от «народного идеала» бунтарей. Однако взгляды его имели мало сторонников. Большинство революционеров склонялось теперь к планам индивидуального террора против царской фамилии и видных правительственных деятелей. Это была «революционная романтика», «безумство храбрых», достойное высокого уважения, но не способное решить исторические задачи, стоявшие перед революционной Россией. Плеханов разошёлся с этим течением не потому, что у него не хватало мужества для вооружённого поединка с левиафаном царской власти, а потому, что он искал другого, более верного революционного пути, зная даже, что каждый шаг в новом направлении может быть понят товарищами как измена народному делу.

Сначала, после раскола с течением террористов-народовольцев, Плеханов остался в числе той группы революционеров (их было около двадцати), которая пыталась сохранить верность идеям «Земли и воли». Он входит в редакцию газеты «Чёрный передел», задуманной как орган прежнего землевольческого направления. Однако участие в этой группе было для него только шагом на пути к размежеванию с народничеством в целом, ибо при новых, всё более властно ломавших русскую жизнь исторических условиях отстаивать идеалы «Земли и воли», то есть утопический крестьянский социализм, основанный на федерации сельских общин, стало уже невозможно. Фракция старых землевольцев в организационном отношении представляла собой ничтожную величину. С другой стороны, сильная организация «Народной воли», сумевшая ещё до победы революции казнить одного из Романовых, была раздавлена его наследником, и после небольшого колебания чаша весов склонилась на сторону старой власти. Жизнь сама подсказывала вывод, что стихийное народное бунтарство и обратная ему, но связанная с ним идея революции сверху представляют собой две стороны одной и той же идейной формации, ставшей уже препятствием на пути дальнейшего развития революционной мысли и дела. Преодоление народнических иллюзий было главной заслугой Плеханова.

Эти иллюзии успели приобрести прочность общественного предрассудка. В них сказалась объективная ситуация целой эпохи, ещё незрелой в классовом отношении, запутанной и потому скрывающей свои истинные черты призрачными картинами близкого будущего. Каждое отрицание определяется тем, что оно отрицает, но не в равной мере, не одинаково. Чем более прочно сидели народнические предрассудки в сознании героической революционной молодёжи семидесятых годов, тем более резким должно было стать на первых порах их отрицание, как бы отражающее эти предрассудки с верной, критической, но всё же ещё абстрактной точки зрения. Особые условия возникновения марксизма в России объясняют нам некоторые черты биографии Плеханова, указывая вместе с тем, как далеко он мог пойти в принятом направлении, ибо те же условия очертили горизонт его революционной личности замкнутой линией.

От народничества как мировоззрения Плеханова отталкивало именно раздвоение революционного потока на два начала - личность и народ, самосознание и объективный процесс, эмоциональный подъём и научное познание общества. Его страшила «антиномия между сознательностью и стихийностью» [7], которую идеология людей семидесятых годов не только не устранила из русской общественной мысли, но даже усилила. Он верно заметил, что последний итог народнического движения был невольной изменой его исходному принципу - вере в на-

род. Вместо слияния революционной идеи и стихийного сознания масс явился новый разрыв между ними, новое взаимное непонимание, новая трагедия. Ключ к марксизму Плеханова нужно искать именно в отталкивании от этой раздвоенности народнического сознания.

Перед более зрелым революционным мышлением стояла задача - найти такую общественную силу, которая не требует от него искусственного орошения, отказа от высшей культуры и даже, наоборот, стремится навстречу ей. Такая сила была. В своих первых организациях, в Одессе и Петербурге, русский рабочий обнаружил высокую меру сознательности. Несмотря на традиционную связь с деревней, он быстро оставил позади аграрные утопии народнической интеллигенции. Вот почему пролетарский социализм стал для Плеханова продолжением работы в народе без возвышения над ним, без двойной бухгалтерии. В рабочем классе он видел силу, способную преодолеть разрыв между революционным самосознанием и объективными законами жизни. Все сильные, можно даже сказать, великие стороны деятельности Плеханова, особенно его достижения на почве материалистической философии и эстетики, заложены в этом отталкивании от парадоксов «абсолютного тупа». В нем заложены и некоторые слабые стороны Плехановского марксизма.

Проблема, стоявшая перед Плехановым, была не новой. Все революции мира осложнялись противоречием между передовой идеей далеко ушедшего вперёд образованного меньшинства и стихийной исторической жизнью масс. В России такое противоречие было особенно подчёркнуто, петровской реформой, которая отделила высшее сословие, одетое в чужеземное платье и говорившее на непонятном языке, от мужика, по-прежнему преданного своему земледельческому быту, поющего, как встарь, свои тоскливые песни. Всё это прекрасно рассказано ещё в «Литературных мечтаниях» Белинского. Необходимость устранения разрыва между идеей, декларацией, обещанием и реальной жизнью народа или, по крайней мере, сознание невозможности этого устранения остро ощущалась революционной мыслью России и на всех этапах её развития, начиная с дворянской эпохи и далее через период более плебейской, «разночинной» интеллигенции к началу слияния социалистической теории с рабочим движением. Последнее, впрочем, представляет собой настолько сложный процесс, что все ступени и противоречия его не так легко исчерпать. Существует эта проблема и в мировом масштабе, особенно с точки зрения сегодняшнего дня, когда в активную историческую жизнь вступили громадные резервы на всех континентах земли.

Литература

1. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. МЛ 1924, с. 1 78: см. также Плеханов Г.В. Соч., в 24-х т., М.-Л., Госиздат, 1923-1928; т. 24, с. 101.
2. Там же, т. 14, с. 295.
3. Речь на Международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже 14-21 июля 1889 г. - см.: Плеханов Г.В. Соч., в 24-х т., М.-Л., Госиздат. 1923-1928; т. 24, с. 320. Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 3, с. 24.
4. Плеханов Г.В. Соч. в 24-х т., М.-Л., Госиздат. 1923-1928; т. 6, с. 287.
5. Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 3, с. 150.
6. Плеханов Г.В. Соч., в 24-х т., М.-Л., Госиздат. 1923-1928; т. 14, с. 172.
7. Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 3, с. 201

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ

С.А. Бородина,
преподаватель ПУ № 2

Георгий Валентинович Плеханов - выдающийся русский политический деятель, основоположник российской социал-демократии, виднейший теоретик марксизма, философ, историк, публицист. Плеханов был одним из основателей Российской социал-демократической рабочей партии. Пользовался большим авторитетом в РСДРП, на протяжении многих лет оказывал существенное влияние на развитие партии.

Интересна и поучительна биография Г.В. Плеханова. Он родился в 1856 году в дворянской семье. Свою общественно-политическую деятельность начал под влиянием таких революционных демократов, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов. В 1876 г. во время первой в России политической демонстрации рабочих и студентов у Казанского собора в Санкт-Петербурге произнес антимонархическую речь в защиту Чернышевского, после которой перешел на нелегальное положение. Г.В. Плеханов участвовал в «хождении в народ», получил известность как теоретик, публицист и один из руководителей народнической организации «Земля и воля». В 1879 г., после раскола организации, выступил против тактики заговоров и террористических методов борьбы, возглавив пропагандистский «Черный передел».

С начала 90-х годов он один из лидеров II Интернационала, активный участник его конгрессов. В конце 1894 - начале 1895 по инициативе Плеханова создан «Союз русских социал-демократов за границей». В 1900-1903 годах участвовал в создании и руководстве газеты «Искра». В 1901-м Плеханов - один из организаторов «Заграничной Лиги русской